

М. ЛИВШИЦ

СЕЗОН

ПОЛЕВОЙ

Михаил Лившиц

Полевой сезон

«Издательские решения»

Лившиц М. Б.

Полевой сезон / М. Б. Лившиц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835459-5

Романтика дальних дорог, открытие ценных месторождений, песни у костра — так чаще всего представляют себе профессию геолога. Но сюда необходимо еще добавить тяжелый физический труд, знания, интуицию, близость полевого геолога к природе. К животному миру. Об этом рассказывает книга. Широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-835459-5

© Лившиц М. Б.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
От автора	9
Пятерка за находчивость	11
В Гиссарских горах	14
На студенческой практике	14
Техника безопасности	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Полевой сезон

Михаил Борисович Лившиц

© Михаил Борисович Лившиц, 2016

ISBN 978-5-4483-5459-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Кто-то сказал: «Каждый человек может написать хотя бы один рассказ». Или – нет, не так: «Каждый человек может рассказать хотя бы одну такую историю из своей жизни, которая была бы интересна всем». Я думаю, книга, собранная из таких рассказов-историй, стала бы одной из самых интересных, самых талантливых, самых поучительных книг в мире.

Мы много лет были знакомы, дружили семьями, но никогда не исповедовались один перед другим, не посвящали один другого в свои душевные тайны. Не знаю, мечталось ли ему, Михаилу Лившицу, когда-нибудь взяться за перо. Пожалуй, нет. Иные были у него желания, иной характер, склад мыслей. В юности его увлекала физика, хотелось поступить на физмат в университет, и медаль, полученная в школе, к тому располагала... Но в 1950 году на физмате требовались не только соответствующие знания, но и соответствующий «пятый пункт». И он поступил в Горно-металлургический институт в Алма-Ате, стал геологом.

Гитарные переборы, маршруты, проложенные по бездорожью, звезды размером с яблоко, повисшие над ночной степью, последняя банка консервов, при свете костра вспоротая ножом... Все это было, конечно. Однако, представляется мне, геология для него существовала прежде всего как дело, которое требует и физического напряжения, и кропотливейшего труда, и – главное – работы мысли. Поскольку был он не просто геологом, а геологом-прогнозистом.

Как-то раз по ходу работы над романом «Ночь предопределений», в котором герой мимоходом соприкасается с геологами, я зашел к Михаилу Лившицу – проверить одну-две детали. Завязался разговор. Скорее это был даже не разговор, а монолог, произнесенный довольно монотонным голосом, тихим, ровным, невыразительным. Но глаза его, темные с глубинным, отраженным в стеклах очков блеском, так внимательно смотрели на меня, так настороженно наблюдали за моим лицом, что я, вначале не без усилия старавшийся уследить за негромкими глуховатыми звуками голоса Лившица, вскоре уже с жадностью ловил суть, заключенную в их оболочке.

А суть была в том, что на бурение одной скважины требуется иной раз до миллиона или полутора миллионов рублей, в зависимости от глубины бурения и характера грунта. И это еще не предел: в Америке, умеющей считать деньги, бурение скважины на Аляске, бывало, обходилось в три-четыре миллиона долларов. Но так как для разведки месторождения бурится и десять, и двадцать, и более скважин, причем нередко – впустую (поскольку не всегда предположения оправдываются), можно представить, в какую копеечку обходятся затраты на разведку!.. И потому так важно с достаточной точностью прогнозировать местонахождение полезных ископаемых. Поскольку же находятся они на глубине и сотен метров, и двух, и пяти километров, заполненных твердыми, слежавшимися за миллионы лет породами, прогнозирование – это всегда и учет известных уже данных, и как бы гадание по руке, и основанное на интуиции искусство...

Да, дело заключалось отнюдь не в гитарных переборах и ночевках у костра... То есть – да, да, все так, но и стертые на первых порах ноги, и тяжеленные, набитые образцами пород рюкзаки, и бескрайние степи, и горячий воздух пустынь, и скалистые горы – все, чем богат наш исхоженный из конца в конец Михаилом Лившицем и его сотоварищами Казахстан, – все это было в его жизни, но кроме того – маленький самолетик, на котором по строго намеченной системе облетал он участок за участком, сверяя рельеф и карту, прибавляя на ней к известному неизвестное, меняя, исправляя... Самолетик, повисший между небом и землей, посадка, заправка, снова небо, переплетение серых, зеленых, коричневых полос, нитки арыков, зеркальные осколки озер...

Унылая работа для регистратора, поиск, загадки, сокровенные, таимые землей тайны – для проницательного ума...

А после многих лет работы геологом-разведчиком и практиком-съемщиком, после защиты кандидатской – Казахский институт минерального сырья, иные масштабы, но в сущности – продолжение всего того же: разгадывание, угадывание, поиск, прогнозирование: где, на какой глубине, в каком количестве хранят земные недра уголь, нефть, металлы, минеральные удобрения и где, в каких масштабах перспективнее начать разведку... Пожалуй, в этом-то и заключалась для Михаила Лившица привлекательность геологии – как науки, профессии, главного труда протяженностью в три десятка лет.

Казалось, в тот вечер, сидя на балконе дома, расположенного на самой окраине Алматы, перед весенним распаханым полем, где сизая туманная дымка мешалась с густеющими сумерками, я впервые понял, почувствовал этого человека. И мне сделалось как-то неловко, стыдно, когда вспомнилось, как литераторы, филологи, друзья и знакомые Лившица и его жены, филолога и литературоведа, с апломбом рассуждали о стихах и журнальных новинках, как азартно и сурово выносили свои приговоры, касающиеся литературных сфер, и довольно снисходительно поглядывали на молчаливого хозяина, а он внимательно, чутко ловил каждое слово, но редко вставлял свое... Помню, тогда, на балконе, вслушиваясь в его рассказ, подробный и точный, лишенный красок и эмоций, я подумал, что именно он, обычно скромно молчащий в нашей компании, жил полной, естественной, подлинной жизнью, а не ее, по сути, блеклым отражением...

Однако уже начинался последний, долгий период болезни, которая в конце концов и увела его «в ту страну, откуда нет возврата»... Гасли силы. Мучительней становились боли. Труднее становилось держать привычный темп в работе, не отставая от других, не делая себе послаблений – он этого не допускал... И вот случилось так, что мир, в котором плавали в поднебесье орлы, гремели горные потоки, белели грибы под сырыми, замшелыми пнями, где над разбитыми дорогами курилась рыжая пыль и хлестали по веселой листве деревьев проливные дожди, – мир этот сжался до квартиры, бескрайние дали – до экрана телевизора. Знакомые, избегая разговоров о болезнях и медицине, обходили его дом стороной, да и сам он, Миша Лившиц, не был охоч до таких разговоров.

И вот тогда-то его жена, доктор филологии Лилия Леонидовна Бельская, или, проще, Лиля Бельская, как принято было называть ее в своем кругу, сказала мне:

– Ему необходимо чем-то заняться. Мы думали-думали... И вот... Он начал писать. Он ведь хороший рассказчик, очень хороший: пускай попробует... Правда, он никогда за это не брался, но вдруг получится? Как вы думаете?

– Да, да, конечно, – сказал я, что же мне оставалось ответить? – Каждый человек может... – и процитировал бог весть кому принадлежащее изречение, которое уже приведено выше.

Прошло некоторое время – Лилия Леонидовна вручила мне первые написанные мужем рассказы. Я начал читать их со скорбным чувством: сколько раз мне приходилось убеждаться, что графоманами становятся не только тщеславные бездари, жаждущие известности, лавровых венков и больших гонораров, нет – среди них немало людей и застенчивых, и бескорыстных, и трудолюбивых, и достаточно повидавших, и досыта страдавших в жизни. Виноваты ли они в том, что природа обделила их одним-единственным: писательским талантом?... С такой вот боязнью и начал я читать рассказы Михаила Лившица, уже значительное время не выходящего из дома, по квартире же передвигавшегося с помощью палочки...

И вдруг...

Талант – всегда чудо, тайна, непостижимость. Талант – это не одно лишь умение из множества слов отобрать наиневобходимейшие, наивыразительнейшие и возвести из них искусное строение. Это еще и своего рода сверхчуткость, сверхслух, способность уловить то, что находится как бы за порогом обычной чувствительности. В годы, когда рос, работал, жил Михаил Лившиц, происходило противоестественное привыкание нашего общества к жестоко-

сти, крови, смерти; жалость и сострадание считались достойными осуждения, а порой и сурового наказания; мир однажды и навсегда был разделен на «своих» и «чужих», при этом вчера еще «свои» сегодня попадали в «чужие», которых следовало ненавидеть и при первой возможности – уничтожить... Слово «милосердие» обозначалось в толковых словарях как архаизм. Но и теперь, восстанавливая многие из позабытых, изъятых понятий, мы куда дольше будем восстанавливать в наших сердцах простые, неизуродованные человеческие чувства.

...И вдруг я читаю – это был один из первых рассказов Лившица – о том, как в степи, на привале, геологи увидели гадюку: «...раздался громкий крик Нины: „Змея!“». Она резко вскочила и отбежала в сторону. Меня будто пружина подбросила – я мгновенно оказался на ногах и посмотрел туда, куда указывала Нина. В первую секунду я просто остолбенел: прямо к нашему столу прыжками двигалась крупная змея, далеко выбрасывая голову и грозно шипя. Никогда в своей полевой практике не видел, чтобы змея нападала...» Герой рассказа убивает гадюку, разможив молотком ее голову, рассекает тело – и внезапно в порванной коже видит «шевелиющихся, в палец величиной, змеенышей. Они как будто были завернуты в целлофан». И вот проходит много лет, проходит целая жизнь, но «до сих пор я спрашиваю себя: почему змея бросилась на нас, ведь мы ее ничем не побеспокоили... И все-таки не перестает мучить мысль: был ли у меня в эти несколько шоковых секунд другой выход – кроме убийства?..»

Я прочитал этот потрясший меня рассказ года три назад, но перед моими глазами все шевелятся в утробе убитой матери «будто завернутые в целлофан» змееныши, виновные разве лишь в том, что родились – должны были родиться – змеенышами, а не, скажем, орлами или божьими коровками... О чем он, этот рассказ? О том, что злоба ведет к собственной гибели? О мужестве и находчивости? Или о том, что и враги наши достойны жалости и сострадания, так говорит нам сердце, хотя разуму трудно бывает с этим согласиться и еще труднее жалость эту реально выразить?.. О чем он? Обо всем сразу.

...Каждый человек может рассказать хотя бы одну такую историю из своей жизни, которая была бы интересна всем. И будь в этой книге одна лишь история, все равно ее нужно было бы издать. Но читатель увидит, что помимо великолепного рассказа «Степная гадюка» здесь немало других, написанных сочным, выразительным языком, рассказов, богатых подробностями той жизни, которой жил автор, – умных, добрых и грустных.

Что же до меня, то в книге этой, изданной женою и детьми давнего моего приятеля, мне слышится в каждом слове его негромкий, ровный, лишенный богатых модуляций голос – таким голосом рассказывают о прожитом, о виденном и пережитом, не рассчитывая привлечь чье-то внимание, – рассказывают о себе для себя...

Ю. Герт

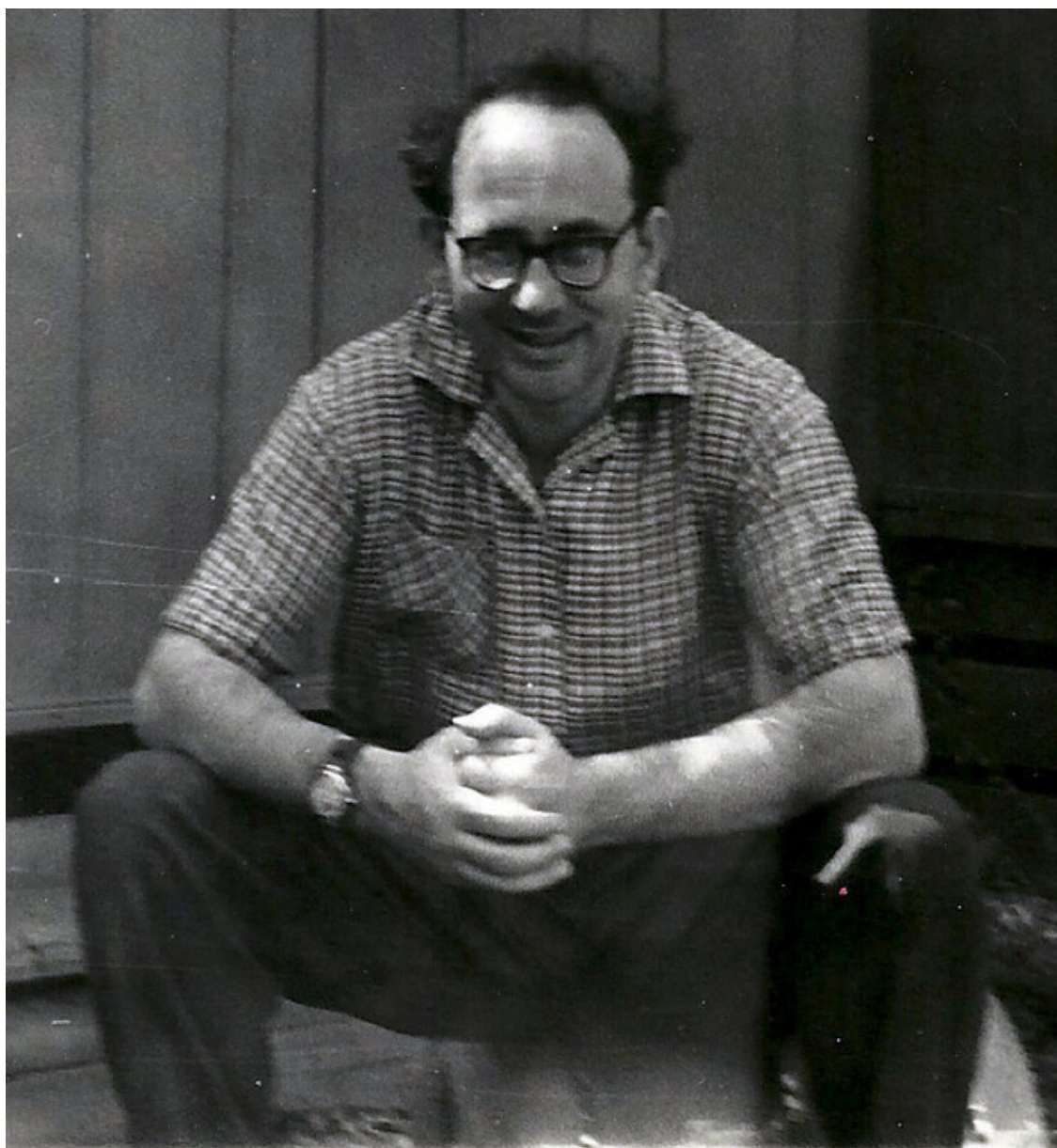
От автора

Оглядываясь на пройденный путь, я вспоминаю, какой представлял себе свою будущую профессию, поступая в 1950 году в Казахский горно-металлургический институт. Я рисовал ее романтическими красками: геология – значит жить душа в душу с природой, разгадывать ее тайны, искать в недрах земли полезные руды и добывать их на благо народа. Геология – это сплошной ковер цветов в весенней степи, холодные родниковые воды в горах, тихие и долгие равнинные закаты с «засыпающими» дневными ветрами, отдых после трудных маршрутов под тенью домиков и палаток, «исключительная» по вкусу каша с консервированным мясом, которую в городе не едят. А для вечернего времяпрепровождения – радио, гитара или аккордеон, скудный книжный багаж, привезенный с собой, и раз в месяц выезд на пару дней с ночевкой к пресному озеру – охотиться на диких уток и ловить рыбу.

Все это исполнится, но будет и другое, о чем я тогда не подозревал, – обратная сторона этой романтической «медали»: бездорожье и старые, изношенные машины без запчастей, некалорийная, однообразная пища и солоноватая вода, вкус которой ощущается даже в чае; палящее солнце и грозовой ливень во время маршрута, когда негде укрыться; тяжелые рюкзаки, набитые образцами и пробами; не выдерживающие до конца сезона кирзовые сапоги, отскакивающие крепежные крючья у раскладушек, надоедающий спальный мешок, вата в котором уже через месяц скатывается комками... Да разве перечислить все, что омрачает полевую жизнь геологов?

Сейчас мне все чаще вспоминаются разные случаи из прошлого, как смешные, так и печальные; более трезво оцениваются собственные поступки и действия товарищей; занимают меня и мои отношения с «братьями нашими меньшими», которых приходилось встречать в экспедициях. Многие из этих историй были рассказаны мною родным и друзьям, побудившим меня взяться за перо, тем более что после тридцати лет геологической деятельности я «обезножел» и оказался прикованным к креслу и заточенным в четырех стенах.

Если читателя заинтересуют эти невыдуманные были о работе и быте геологов в поисково-съёмочных партиях, о поведении людей и животных в экстремальных ситуациях, то цель моей книжки будет достигнута, а романтика дальних дорог, освобожденная от «розового флера» иллюзий, не утратит своей привлекательности и притягательности.

Пятерка за находчивость

Георгин Цараевич Медоев, небольшого роста полный мужчина, осетин по национальности, обладал хорошим чувством юмора и недюжинными познаниями в геологической науке. Прошло почти сорок лет с тех пор, как я, «зеленый» студент, слушал этого замечательного лектора, популярно и красноречиво рассказывающего нам об основных задачах геологии и объяснявшего «мудреные» для нас в ту пору термины науки о Земле. Строгие и пронзительные черные глаза профессора, читавшего курс общей геологии, внимательно оглядывали собравшуюся разношерстную аудиторию: приходили послушать его и студенты старших курсов, и ассистенты, и выпускники университета, где геологические дисциплины преподавались не столь глубоко и доходчиво. Непринужденно и неторопливо лилась речь лектора, прерываемая лишь постукиванием мела по доске, на которой возникали причудливые «катакомбы» из горстов и грабенов¹, смещались и передвигались по гигантским разломам куски континентов, происходили всякие стихийные бедствия в истории Земли. Иногда Медоев говорил, медленно прохаживаясь по проходу между столами и заглядывая в тетради слушателей. В аудитории стояла мертвая тишина, и малейший шепоток был слышен по всему залу. Если какие-то комментарии или не относящиеся к лекции фразы достигали слуха Георгия Цараевича, он подходил к виновнику и произносил одну постоянную, но безотказно действующую реплику: «Сиди крепче, молчи шибче!» Не знаю, почему, но эта «формула» казалась самым страшным выговором.

В Георгии Цараевиче нам нравилось все, особенно его манера говорить – четкая, лаконичная, его умение шутить – уместно, безобидно. Как-то весной шел проливной дождь, и студенты, сгрудившись под козырьком крыльца, наблюдали, как целая река, обтекая крыльцо, залила институтский двор и неслась стремглав к переполненному арыку, создавая многочисленные водовороты. По улице тоже текла река, образуя воронки и огибая любые препятствия: бордюры, киоски, ящики, тумбы и деревья, вытянувшиеся в ряд по обеим сторонам проспекта Ленина, где в пятидесятые годы стоял учебный корпус Казахского горно-металлургического института, впоследствии сгоревший. А дождевой поток нес с собой самые различные предметы – пачки от папирос, спичечные коробки, картонки, обломки штукатурки и асфальта, мелкие палки и тряпки, шлак и другой накопившийся за зиму мусор. Я только дважды в жизни видел такие ливни, когда по улицам шли до нитки промокшие люди, держа в руках обувь, безнадежно опустив головы и вглядываясь в воду, чтобы не попасть в яму или открытый канализационный колодец. Почему-то представлялось, что библейский всемирный потоп выглядел примерно так же.

Именно в такой дождь, закончив свои дела в институте, вышел на крыльцо и Медоев. Столпившиеся у входа студенты потеснились, чтобы дать ему место. Постояв и посмотрев на потоп, он перевел взгляд на молодежь. Выбрав из толпы наиболее мокрого парнишку, который, видно, только что добежал до спасительного укрытия, Георгий Цараевич показал рукой на дождь и спросил:

– Что это?

Стало тихо, только ливень шумел. Парень бойко ответил:

– Дождь, Георгий Цараевич!

– Вот и видно, что ты плохо учил общую геологию, – сделал вывод профессор. – Это атмосферные осадки. И закрой рот, а то воробей залетит.

Все засмеялись этой грубоватой шутке.

Особенно много анекдотов рассказывалось «старыми» студентами об экзамене по общей геологии, которые не столько веселили нас, первокурсников, сколько пугали. Подошла первая

¹ Смещения земной коры – провалы и поднятия.

сессия, и страшный день наступил. На дверях аудитории, где должен был состояться экзамен, какой-то шутник повесил листок с надписью: «Институт не океан: барахтайся – выплывешь». Прочитав этот лозунг, Медоев обратился к толпившимся у дверей студентам:

– Кто автор?

Ответом ему было молчание.

– Жаль, что трусите. Автору я бы прибавил балл, – на полном серьезе произнес Георгий Цараевич.

Его имя и отчество, особенно отчество, заучивались наизусть, так как на студента, назвавшего Медоева «Георгием Сараевичем», обрушивалось ехидное и грозное: «Сам ты забор!» «Забором» быть никому не хотелось, и отчество профессора запоминали крепко и навсегда.

Экзамен начался необычно.

– Собери зачетки у девушек, я им без экзамена поставлю «уд», – сказал старосте Георгий Цараевич. – Зайдите пять человек.

Девушек в группе было четыре, но одна из них, Неля Бородавко, не сдала свою зачетку: она решила экзаменоваться по-настоящему, так как три предыдущих экзамена сдала на «отлично» и ее не пугал суровый вид экзаменатора. Неля пошла в первой «пятерке». С этой же группой вошел и я. Открыв дверь, мы увидели стол, на котором были разложены десятка три билетов и лежала стопка чистых тетрадных листов. Медоев молча показал рукою на билеты, и Неля, первая шагнув к столу, взяла билет. Записав его номер, экзаменатор подал ей тетрадный лист для ответа и указал, куда сесть. Эта же процедура повторилась с каждым из нас. Зашел староста с тремя зачетками, профессор проставил в них отметки и вернул обратно.

Георгий Цараевич не торопил нас с ответами, но время от времени поглядывал на часы. Наконец один из студентов встал, подошел к экзаменаторскому столу и подал листок, на котором были несколько схематичных рисунков и небольшой текст. Посмотрев их, Медоев поморщился, толстым синим карандашом перечеркнул лист, заострив линию стрелкой, повернул ее в направлении двери и строго взглянул на студента. Все было понятно. «Неудачник» вышел, а в ведомости против его фамилии была поставлена точка. Больше никто не заходил. Теперь поднялась Неля. Сев напротив Георгия Цараевича, она молча протянула ему билет с ответом. Внимательно прочитав текст, он положил вторую руку на стол, и девушка сообразила, что надо подать зачетку. Полистав ее, профессор хмыкнул и взял другой билет, прочел его, положил и взял еще один. Очевидно, вопросы в последнем его устраивали, и он подал его Неле, и та с новым билетом и чистым листком отправилась на прежнее место для подготовки.

За это время я успел основательно подготовиться и направился к столу. Мой листок был весь исписан и иллюстрирован рисунками. Георгий Цараевич прочел ответы и над рисунком поставил знак вопроса. Порывшись в билетах, он вытащил один из них, отчеркнул ногтем первый вопрос, но не отправил меня готовиться, а показал пальцем на чистый лист. Я принялся рисовать «рвущий интрузивный контакт»² и, закончив рисунок, хотел написать объяснение. Но лист был у меня отнят, а рука экзаменатора хлопнула по столу – я подал зачетку. Не заглядывая в нее, а прочтя только фамилию, Медоев потянулся к ведомости и поставил (я глазам своим не поверил!) «отлично». У меня бессознательно вырвалось «спасибо», за что получил сердитый взгляд и движение руки в сторону двери. Георгий Цараевич вышел вслед за мной и поднял два пальца, приглашая в аудиторию следующих экзаменуемых.

Когда дверь закрылась, я рассказал товарищам, как проходил экзамен, какие мне достались вопросы и как был задан дополнительный. Я ждал Нелю, она вышла не очень довольная и показала четыре пальца.

² Трещины в коре, заполненные магмой.

– Как было дело? – поинтересовался я.

– Я ответила на второй билет, но на одном рисунке был поставлен жирный вопрос. И тогда он каллиграфически вывел в зачетке «хорошо».

Всего в группе оказалось три пятерки и две четверки, несколько троек, а больше половины получили «стрелку». О двух пятерках следует рассказать особо. Один студент – Жумабай – хорошо рисовал и, не написав ни единого слова объяснений, подал экзаменатору только рисунки. Тот долго и тщательно их рассматривал, потом подал второй билет.

– Я снова сделал одни рисунки и был уверен в очередной тройке. Вдруг вижу, не говоря ни слова, Цараевич поставил в зачетке «отл», хотя за три предыдущих экзамена у меня в сумме набиралось лишь десять баллов!

– Самостоятельный мужик, – сказал староста, получивший «международную» оценку, то есть тройку.

Но особенно нас удивил своей пятеркой Саша Золотов. Это был веселый, остроумный парень, про таких говорят: «За словом в карман не полезет». Вот его рассказ:

– Ну, взял я билет, сел, думал, вспоминал, но почти ничего не вспомнил. Что-то написал, кое-как нарисовал схему – и все только по первому вопросу. Два остальных совсем поставили меня в тупик. Остался я один в аудитории. Цараевич подошел ко мне и отобрал листок. Через весь лист начертил здоровенную стрелу и направил ее в сторону двери. Недолго думая, я повернул стрелу на него. Смотрю, глаза у него стали круглые, лицо покраснело, сопит и глядит на меня. Сейчас, думаю, как треснет кулаком, так и дух из меня вон. Однако он сдержался и снова повернул стрелку на дверь, а я опять на него. И тут раздалось какое-то шипение: «Шш-што?» Я с наивным видом ответил: «Когда прийти во второй раз?» и Цараевич стал хохотать, трясясь всем телом, вытирая рукавом слезы и держась за свой толстый «курса́к». Отсмеявшись, он положил руку на стол – пришлось дать ему зачетку. Гляжу, ставит к моим тройкам «отлично». Подал мне зачетку и пожал руку. Я настолько был уверен в двойке, что просто осто́лбенел и до сих пор не могу прийти в себя, – признался Саша.

– Вот дает! – удивился староста.

– Чудит старик, – мрачно изрек один из выгнанных.

Но однажды, уже будучи дипломниками, мы пошутили и над Медоевым. Он вошел в дипломную комнату, сел верхом на стул, опершись о спинку руками, и принялся рассматривать склонившихся над столами своих питомцев. Помолчав, угрюмо молвил:

– Вот кончите институт и на улице меня узнавать не будете...

И тут Вовка Бочкарев «нашелся»:

– Только в одном случае. (Стул с седоком медленно повернулся в его сторону.) Я вас узнаю из тысячи. Но могу ошибиться, если увижу вас бегущим стометровку.

В аудитории грянул такой гомерический хохот, что профессор заткнул уши.

– Шалуны! В ваши годы я тоже бегал. Посмотрим, какие животы будут у вас к пятидесяти годам.

...Прошло почти сорок лет, а у меня перед глазами нарочито серьезное лицо и смеющийся взгляд Георгия Цараевича. Так и представляю себе, как он кладет мне на стриженую макушку руку и «рычит»: «Всепоглощающий ум», а я боязливо, стыдясь своей неразумности, вытягиваю голову в плечи.

В Гиссарских горах

На студенческой практике

Горы красивы всегда, особенно в ясный день, когда на вершинах ярко сверкают под солнцем снеговые шапки. Хороши их крутые склоны с многочисленными осыпями и мелкими быстро бегущими ручьями, берега которых покрыты кустарником. Заросли эти четко выделялись с высоты темной лентой вдоль ручьев, подчеркивая их извилистое русло. Таковы горы Гиссарского хребта, где мне пришлось в 1953 году проходить практику в должности техника-геолога в одной из разведочных партий на высоте три с половиной тысячи метров. Несколько домиков и хозяйственных строений стояли беспорядочно на специально выровненных площадках. Все постройки связывались между собой тропинками, часть которых прокладывалась с помощью кирки и лопаты. Кое-где, словно горные пики, виднелись вершушки копров буровых вышек, и к ним вились веревочки тонких тропок. В центре поселка находилось здание электростанции, снабжавшей энергией буровые агрегаты и жилые помещения. Доставка грузов на буровые и перемещение вышек при смене точек бурения – все осуществлялось вручную, для чего в партии была создана специальная бригада «хачиров» («ишаков»). Труд этих сильных и смелых людей чрезвычайно опасен, они – первопроходцы. Даже высокая оплата (четыре-пять тысяч в месяц) казалась недостаточной в сравнении с риском упасть с грузом на плечах в восьмисотметровую пропасть. Но бригада эта была сплоченной и много сезонов подряд обслуживала геологические партии. В отличие от геологов, живших в кошмяных домиках, «хачиры» имели просторную утепленную землянку с самодельными столом, скамейками и табуретками, с широкой плитой, на которой громоздился огромный казан. У бригадирского топчана стоял сейф. Ключ от него хранился у самого бригадира.

От партии до экспедиции нужно было добираться по выючной тропе длиной шестнадцать километров. Тропа была хорошо утоптанной, но узкой и позволяла проехать лишь одной лошади либо конному «каравану» цугом. Таким «караваном» возили почту, другие грузы. Обычно для этой цели использовали мулов – крупных и спокойных животных, выведенных путем скрещивания лошади и осла. Почтовые «поезда» на конной тяге ходили во все партии

нашего «куста» раз в два-три дня. Кроме того, верхом разъезжали экспедиционное начальство и разного рода комиссии. Основная дорога от экспедиции на строящийся рудник пересекала нашу тропу и вела прямо в горы, а грузы по ней возили на тракторах с прицепами, причем работа эта поручалась опытным водителям, так как на отдельных участках уклон достигал сорока и более градусов. Порой случались несчастные случаи, и преимущественно по ночам: не вытягивал на подъеме трактор и срывался в ущелье или оступалась лошадь.

Свидетелем одного такого происшествия я был на полпути от партии в экспедицию. Метрах в двухстах от тропы, по которой я шел, по другому склону горы пролегла тракторная дорога. Вверх тащился гусеничный трактор ДТ-54 с прицепом, нагруженным бочками, строевым лесом, буровыми трубами и другим инвентарем. Поверх груза сидели несколько человек, что категорически запрещалось. Выше всех расположилась на каких-то узлах старуха, а узлы лежали на трехсотлитровой бочке, стоявшей вертикально. Ниже восседали два молодых парня и средних лет мужчина. Перед крутым подъемом тракторист, решив с ходу преодолеть его, прибавил скорость. В этом была его трагическая ошибка. На середине подъема тяжело груженный состав забуксовал и, сколько ни газовал водитель, не двигался вперед. Надо было переключить скорости, но сделать это мгновенно, иначе трактор поползет вниз и никакие тормоза его не удержат. Опытный тракторист, знавший трассу, переключил бы скорости до подъема и медленно преодолевал перевал. А этот, по-видимому, оказался неопытным или слишком спешил, а может, коробку скоростей «заело», но включить скорость он не сумел. Трактор двинулся «юзом», толкая прицеп, который подполз к обрыву и накренился: все грузы на нем стали перекачиваться к наклонившему борту. Парни, быстро разобравшись в обстановке, выпрыгнули на дорогу, а мужчина и старушка не успели. Прицеп опрокинулся на бок, и его содержимое полетело вниз. Мужчину сразу же смяло и придавило трубами, бочками и досками. Небольшой плотный выступ на склоне задержал падение грузов в обрыв. И тут я увидел невероятную картину: старуха как сидела на своих вещах и бочке, так и осталась сидеть, хотя бочка, перед тем как упасть, описала в воздухе немыслимый пируэт. А трактор неудержимо сползал к обрыву, и остановить его могло только какое либо препятствие. Тракторист выскочил из кабины и, схватив выпавшую из прицепа металлическую штангу, подпер ею трактор – второй конец прочно засел в расщелине. Трактор остановился, но в ту же минуту вдруг перевернулся прицеп и накрыл водителя. Нет смысла рассказывать, как вытаскивали из-под обломков тело погибшего мужчины и снимали с бочки бабку. Трудно передать, что испытал я в положении случайного наблюдателя, бессильного чем-нибудь помочь несчастным. Так завершилась дорожная катастрофа – две смерти из-за халатности или излишней самоуверенности тракториста, который и сам заплатил за это жизнью.

Можно представить, в каком настроении я вновь зашагал по своей тропе вниз. Это был последний мой визит к главному геологу экспедиции, чтобы передать отчет о съемке участка партии и геологическую карту с разведываемыми рудными телами и прогнозом их залегания за территорией участка.

После сдачи этих материалов я получил разрешение на расчет, но в кассе денег не оказалось, они ожидались через два-три дня. А мне предстояло давать «отходную» – таковы законы товарищества. Пришлось занять немного денег у главного геолога, купил килограмм колбасы, две бутылки водки и столько же какой-то красной «бурды» – для женщин. Погрузив покупки в пробный мешок (для геологических образцов), присел у конторы в тень, чтобы собраться с силами для обратного пути. Вспомнилось недавнее происшествие, невольным свидетелем которого я был, и представилось, что в дороге на меня может обрушиться камнепад, и тогда купленные продукты пойдут на поминки. Такие мрачные мысли бродили тогда в моей усталой голове. Закурив «Беломор» и наблюдая за приехавшей машиной, из которой выгружали бочки, я думал, что не вредно было бы пропустить одну-две кружки холодного пивка. А что привезли именно пиво, легко было догадаться по репликам буфетчицы и добродушным, но непечатным

«шуткам» добровольцев-грузчиков. Но ведь эта волынка не кончится до вечера! А ночевать в клоповнике (так называли заезжую в экспедиции) – удовольствие ниже среднего, да и в партии меня ждут. С трудом поднявшись, медленно пошел к началу дороги, постепенно переходящей в тропу. Там, на обочине, стоял почтовый домик, и я зашел справиться, не собирается ли старый кореец Ли отвезить почту наверх. Увы, только завтра, и то во второй половине дня. Мне явно не везло, предстояло-таки тащиться и обратно «на своих двоих».

Но до чего причудливы повороты судьбы! Слышу – кто-то окликает меня. Оглядываюсь – наша кассирша Аня: «Как хорошо, что ты спустился! Можно тебя использовать вместо сопровождающего? Я два дня назад получила деньги и все жду милиционера, а он, как назло, в командировке. Может, ты заменишь его? Пойдем скорее к начальству».

Схватив за рукав, она буквально поволокла меня к конторе. Я уже раньше заглядывал на конедвор: лошадей там не было. Неужели нести рюкзак с деньгами на себе? Решил отказаться, да и по инструкции не положено, и поинтересовался: «А где твоя коняга?»

– За конюшнями, в тени, – ответила Аня.

– То-то я не вижу ни одной лошади на конедворе. Может, их тоже прячут?

– Не знаю. Пойдем к начальству, там все выяснится.

Начальства на месте не было, главный инженер находился в отпуске, оставался один главный геолог. Постучав, мы вошли в его кабинет. Он поднял голову и пробурчал: «А, ты все еще здесь?» Аня объяснила свою просьбу. Главный похмыкал в кулак и пристально посмотрел на меня:

– Стрелять из пистолета умеешь?

– Стрелял на военных сборах: 42 из 50.

– Маловато, но на худой конец сойдет. А на лошади ездить умеешь?

– Два раза ездил на рыбалку, – промямлил я и подумал, что все пропало.

– Да, стаж у тебя огромный, – засмеялся Борис Александрович.

Сняв телефонную трубку, пригласил экспедиционную кассиршу и заведующего конедвором, мрачного прихрамывающего мужика. Выяснив, когда Аня получила деньги, главный побряхтел и обратился к конюху:

– Пахом, что у тебя есть?

– А ничего. Вот только Анина кобылка.

– А конь главного инженера?

– И вправду. А то он уже второй месяц даром овес ест.

– Седлай его и дай под расписку этому молодцу.

Аня отправилась в кассу за деньгами, а я пошел с Пахомом. Конь стоял в стойле и был, как мне показалось, гигантского роста. Темно-коричневая шерсть его блестела, и под ней перекатывались литые мускулы. Конь был под стать главному инженеру, высокому и тучному человеку, не меньше ста килограммов весом. Мою «тушу» этот гигант и не почувствует. Вернулась Аня с рюкзаком и подала мне офицерский ремень с кобурой:

– Я расписалась. Надевай.

Ремень оказался мне велик, пришлось шилом проколоть еще одну дырку. Вынув пистолет и убедившись, что он поставлен на предохранитель, я засунул его обратно в кобуру. Мой конь был оседлан, и конюх подал мне в руки повод, а сам взялся седлать Анину лошадку. Если на моем жеребце кавалерийское седло выглядело к месту, то на старой кобыле оно вызывало улыбку. Однако мне было не до смеха: конь резко повернул голову и вскинул ее вверх, а я, что есть силы вцепившись в узду, чуть не упал. Жеребец угрожающе смотрел на меня краем красноватого глаза. Я понял, что боюсь его силы и непредсказуемости движений, но, преодолев страх, перекинул ему повод через голову. Высоко подняв ногу, зацепил ее за подпругу и, оттолкнувшись второй ногой, очутился в седле. Конь сразу попытался идти в сторону ворот. Натянув узду, я остановил его.

– Ты не отпускай узду, держи ее все время натянутой, а то конь застоялся и может выкинуть какой-нибудь фокус, – предупредил Пахом.

Аня взгромоздилась на свою кобылу и подвесила к седлу рюкзак. Я прикрепил свой мешочек с провизией и, видя, что Анина лошадь намного слабее моей, предложил подвесить денежный рюкзак к седлу моего скакуна, надежно закрепил лямки рюкзака, и мы тронулись в путь.

Широкий, твердый шаг моего коня был несоизмерим с мелкими шагками лошади Ани, и, достигнув горной дороги, я принужден был остановиться. Зверь (так я про себя окрестил коня) с неохотой послушался и недовольно косил глазом. Пока дорога была достаточно «просторной», мы старались ехать рядом, причем мне приходилось сдерживать коня. Аня заметила мои усилия и сказала:

– Езжай вперед, у родника задержишься и подожди меня.

Я отпустил повод, и Зверь уверенно зашагал по знакомому ему пути. За полчаса мы прошли уже восемь километров. У родника, натянув узду, я попытался остановить коня, но он отказался подчиниться: встал на дыбы и заржал. Я не отпускал узду, и это отрезвило Зверя. Я подумал, что он образумится и станет теперь послушным. Однако это было моим глубоким заблуждением.

Родник с прозрачной, чистой водой вытекал из-под корней огромной старой чинары. Пышный ковер изумрудной травы, холодная вода и благодатная тень от чинары создали славу этому роднику, получившему название Чашма-Нъят (святой родник). Здесь всегда останавливались всадники, чтобы напоить и подкормить лошадей и дать размяться затекшим ногам. Я довольно удачно слез с коня, подвел его к роднику и привязал повод к передней ноге, чтобы он мог и щипать траву, и «промочить глотку». Но Зверь остался равнодушен к дарам природы и понуро стоял, изредка поглядывал на меня. Минут через десять из-за поворота показалась Аня. Я галантно помог ей слезть с лошади, которую так же, не вынимая узды, подвел к роднику, и та послушно стала пить. Мы с Аней присели на удобный камень, и я хотел было закурить, но Аня предложила сначала перекусить колбасой с булкой. Я согласился, хотя и не чувствовал особенного голода, а потом с наслаждением затянулся «Беломором». Ветер отнес дым в сторону коня, и он раздраженно фыркнул. Вспомнив, что его хозяин не курит, я повернулся так, чтобы табачный дым не достигал чуткого носа Зверя. Отсюда было видно место утренней аварии, там до сих пор возились люди и стоял трактор. Я рассказал Ане, что там произошло утром. Она ахала и причитала, предположив, что погибший был бухгалтером, который как раз утром выехал из экспедиции.

Пора было отправляться дальше – предстояла вторая половина пути. Мы взобрались на своих «скакунов», Аня пропустила меня вперед, и наша «кавалькада» тронулась. Отдохнувшая Анина коняга прибавила ходу и не слишком отставала от по-прежнему широко шагавшего Зверя. Однако их силы были далеко не равны, и через некоторое время, оглянувшись, я не увидел отставшей Ани.

До лагеря оставалось совсем немного, уже виднелись крыши домов. Засмотревшись на них, я подумал, что мои товарищи, верно, устали ждать моего возвращения. Размечтавшись о встрече и предстоящем вечере, я ослабил повод, и тут началось: конь галопом помчался вперед, сильно вскидывая задом, стараясь сбросить меня. Вцепившись в повод и изо всех сил натягивая его, я пытался сдерживать Зверя. Но пока я мечтал, он успел закусить узду, и мои усилия оказались напрасными. Мелькнула мысль: только бы не повернул вниз, по крутому склону. Будто подслушав меня, конь бросился вниз, а я, как мешок, вылетел из седла на камни.

Вскочив на ноги, я следил за конем, который неровными скачками мчался по склону к ручью. «Деньги!» – испугался я. Как в бреду, расстегнул кобуру и вынул пистолет, автоматически сняв его с предохранителя. Подстрелить коня и спасти деньги! Рука дрожала, но я прицелился и уже был готов нажать курок, как вдруг мешочек с продовольствием оторвался от седла

и упал. Я опустил пистолет: если легкая поклажа оторвалась, то тяжелый рюкзак и подавно должен оборваться. Не успел я принять никакого решения, глядь, а сброшенный конем рюкзак покотился по склону. Подъехавшая Аня побледнела так, что стала белой. Разглядев у меня в руке пистолет, она все поняла:

– Он сбросил тебя?

– Да, – односложно ответил я, продолжая следить за конем, который, не сломав себе ноги, доскакал до воды и начал жадно пить.

– Сейчас принесу рюкзак, – сказал я и побрел вниз. Дойдя до мешочка и подняв его, обнаружил, что из него течет водка, издавая характерный спиртной запах. Колбаса была вся в осколках от разбившихся водочных бутылок, а винные каким-то чудом уцелели. Невдалеке лежал рюкзак с оторванными пряжкой и ляжкой. Взвалив его на плечо и подобрав бутылки с вином, я полез наверх и помог Ане привязать рюкзак.

– Хорошо, что ты не убил коня, ведь такой жеребец стоит, наверное, больших денег – больше тех, что лежат в рюкзаке. Не садись на него больше: черт знает что он еще выкинет. Попробуй привести его в лагерь за узду, – напутствовала меня спутница.

Мне ничего не оставалось, как пуститься вслед за Зверем и постараться найти с ним общий язык, и только тут я почувствовал боль в левом колене и локте, пощупал побитые места и определил, что они кровоточат: брюки и рубашка были влажные и липкие. Этого еще не хватало! Ясно, что вести коня в поводу мне не под силу – ему ничего не стоит вырваться. Смогу ли удержать его? И все-таки я спустился и приблизился к бунтарю. Он стоял у ручья, с губ его падали капли воды. Зверь не делал никаких попыток ни напасть, ни убежать. Пересиливая страх, я подошел почти вплотную и поднял болтавшийся повод. Конь лишь покосил на меня глазами. Но как же я влезу на него? Сообразив, я подвел его к камню, встал на него, накинул правой рукой повод на лошадиную шею. Странно, но Зверь даже не шевельнулся. И тогда я решился: преодолевая боль, вскарабкался в седло и направил коня по узенькой тропинке вверх. Все тем же твердым, размеренным шагом, как в самом начале пути, спокойно и не напрягаясь, конь преодолел последний подъем и сам подошел к перилам конторы, где обычно привязывали верховый лошадей.

Аня уже приехала, и вся партия высыпала меня встречать.

– Слезай, кавалерист! – кричал одни из встречавших. Но сам я слезть не мог. Меня сняли с коня и, посмеиваясь, поругали за то, что не взял колбасу: ее можно было очистить от осколков стекла.

– Крепкое же стекло у винных бутылок, – констатировала успокоившаяся Аня, держа в руках бутылки с вином.

Мне перевязали «раны» и установили, что «инвалидность» моя продлится не более двух-трех дней.

Через три дня я на почтовом муле прибыл в экспедицию, где выслушал кучу шуток по поводу моей «кровожадности».

– Подумать только, какого коня хотел застрелить! Да ты бы за всю жизнь за него не рассчитался! – гремел главный инженер, вернувшийся из отпуска.

Вечером на попутной машине меня доставили в Самарканд, там я благополучно сел в поезд. Однако это приключение не отбило у меня желания и дипломную практику провести здесь, в той же самой партии, о чем я позднее и написал главному геологу.

Техника безопасности

На дипломную практику я опять приехал в Таджикистан, в ту же экспедицию. Сойдя с автобуса, сразу же направился к крыльцу конторы. Осматривая постройки, отметил, что поселок вырос, появились двухэтажные дома, красивые коттеджи с садиками, новый магазин и даже несколько гаражей. Здание конторы было прежним, но рядом с ним и химлабораторией строился новый дом. Все это говорило о расширении работ. Но каких? За счет чего? Строительство рудника или разворот разведочных изысканий? Мне как разведчику хотелось последнего.

На пути к конторе меня остановил начальник партии, в которой я работал в прошлом году.

– Сам бог тебя послал! – воскликнул он, пожимая мне руку.

– А что случилось? – удивился я.

– Хочу пойти в отпуск за два года, да некого оставить вместо себя.

– А Геннадий?

– Не хочет его главный геолог. Уперся, что Геннадий годен как исполнитель, а руководитель из него, как из музыканта молотобоец. Пойдем-ка к главному, – и Искандер схватил меня за руку.

– Постой! Ты что, думаешь, он меня поставит начальником?

– Он о тебе высокого мнения, расхваливал твой отчет и карту участка с прогнозами. Так что пойдем, ты меня выручишь, – объяснял Искандер.

– Но диплома-то у меня еще нет...

Перебив меня, он стал горячо доказывать, что есть начальники партии с образованием техников, и начал перечислять их по фамилиям. Спорить было бесполезно, и я покорно двинулся за ним в канцелярию, где надо было сдать документы о прибытии, а затем к главному геологу. Искандер «поволок» меня мимо прежнего кабинета главного куда-то по коридору. Он смело открыл дверь, на которой была прибита новая табличка «Геологический отдел».

– А, молодец, что не соврал и приехал! Я уж думал, что ты не покажешься после приключения с твоим четвероногим другом, – с усмешкой встретил меня главный. – Да отпусти ты человека, – приказал он Искандеру, который все еще держал меня за руку. – Дай ты ему отдышаться с дороги. А ты садись и рассказывай.

Но я решительно не знал, что мне рассказывать, и глупо улыбался.

– Ну что ты раззявил рукавицу? Говори, на сколько времени, в какую партию хочешь и когда тебе наконец вручат эти паршивые корочки? Все равно больше знать ты не будешь. Ну, отвечай, – грозно сказал Борис Александрович.

Пришлось ответить на все его вопросы, причем спрашивал он меня с пристрастием, будто прочил в женихи своей дочери, тоже заканчивавшей геофизическое отделение САГУ. И тут пришла очередь Искандера. Он заговорил об отпуске, жалуясь, что жена и домой его не пустит.

– Вот он вполне подходящий начальник, тем более на каких-то два месяца, – указал Искандер на меня.

Главный молчал, постукивая пальцем по столу. Стало тихо, мы ждали, что он скажет.

– Це дило треба разжуваты, – почему-то по-украински заговорил Борис Александрович. – Иди мойся, брейся, спи, а завтра в восемь прощу сюда. А ты раньше девяти не являйся, – это относилось к Искандеру.

Вышли мы из конторы вместе. Искандер повел меня к себе, на квартиру, арендованную партией. Это был маленький домик с садом, огороженным аккуратным штакетником. Встретила нас хозяйка – молодая женщина, с улыбкой протянула руку и представилась: «Стася». Оглядев меня, предложила:

– Вода на плите, ковш в чулане, а одежду почищу сама.

Раздевшись до трусов и отдав одежду Стасе, я с наслаждением смывал жирную грязь Самаркандского тракта. Искандер не замолкал ни на минуту, поливая мне из ковша, и увлеченно «трезвонил о жене, детях, дальних и близких родственниках, об их удачливости и деловитости... У меня уже в ушах от него гудело, и я возмутился:

– Ты можешь выключить свое «радио»? и вообще, хватит мне морочить голову семейными рассказами.

Искандер не ожидал такой резкой отповеди и на секунду умолк, но не удержался и громким шепотом произнес:

– А главный-то клюнул на наживку и разрешит отпуск.

Стася подала полотенце и тряпку для ног и пригласила к столу. Запах свежего борща пробудил аппетит, и мы дружно заработали ложками. И хотя в желудках уже ощущалась приятная тяжесть, не отказались и от жареной картошки со свиными шкварками, обильно посыпанной зеленым луком и укропом.

Запив все это молоком, я с трудом встал, добрался до дивана, застеленного чистым бельем, лег и как будто провалился. Проснулся от прикосновения теплой руки и женского голоса: «Вставайте, поужинаете и можете снова спать». Я окончательно проснулся: вижу – на улице уже темнеет. Взглянул на часы – девять, крепко же я спал – с двух до девяти. От ужина я отказался и поинтересовался, где Искандер.

– Он давно ждет вас. Прожужжал мне все уши, – пожаловалась Стася.

Выйдя на крыльцо, я попал в радостные объятия говорливого приятеля. Становилось прохладно, и быстро темнело. В горах сумерки очень короткие: солнце скрывается за вершинами, и сразу наступает ночь. Выглянула Стася и объявила, что ужин на столе, а если остынет, можно подогреть на плите – там еще много углей.

– Не вздумайте закрывать вьюшку, а то угорите.

– А вы уходите? – спросил я.

– Я буду ночевать у сестры и приду вас будить в семь часов. Спокойной ночи, – пожелала Стася, исчезая в темноте.

Где-то на другом конце поселка запыхтел локомотив, и появился свет.

Я решил поменяться ролями с Искандером и стал расспрашивать его о новых ИТР, о буровых бригадах, о горных выработках, о вентиляции в забоях, о выходе керна и т. п. Он отвечал нехотя и старался перевести разговор на другую, более интересную для него тему, но я не позволил ему это сделать и в конце концов получил всю нужную информацию о ходе работ и о всякого рода затруднениях. Остальное расскажет главный, решил я. Чтобы не слушать очередные откровения Искандера о каком-то его родиче, я предложил закончить разговор и пойти разогревать ужин. На сковороде были два поджаренных куска свинины, под салфеткой на столе – нарезанный хлеб, молочник с пряной приправой и сахарница. Искандер споро управился со своей порцией и ушел спать, отказавшись от чая; видимо, его сморила усталость от бесконечных топтаний и монологов. А у меня не было ни в одном глазу, я пытался листать какую-то зачитанную до дыр книжицу неизвестного автора, без начала и конца, потом долго лежал и думал: «Что день грядущий мне готовит?»

Утром, около семи, меня разбудили голос диктора из репродуктора и шумная возня на кухне. Не ожидая обещанной побудки, я встал и вышел из комнаты.

– А я уже хотела будить вас, но решила, что радио сделает это за меня, – улыбнувшись, поздоровалась Стася.

– Так и случилось, – ответил я. – Искандеру являться в контору позже. Пусть поспит еще часок. Придется тебе полить мне, – незаметно перешел я на «ты».

– Конечно. И хорошо, что не вам, а тебе. Так проще.

Умывшись и надев вычищенные брюки, рубашку и куртку, явился к столу, где уже стоял легкий завтрак: большая кружка молока и коржик с изюмом домашней выпечки. Позавтракав

и повозившись на крыльце с оторванной подошвой правого ботинка, собрался в контору – было без десяти восемь.

– Возвращайтесь обедать, – пригласила Стася.

– Грех отказываться от таких обедов, милая хозяйюшка, – отвечивал я.

Она зарделась и заметила, что ее сестра готовит много лучше. Я уверенно заявил, что такого быть не может, и направился в контору.

Без двух минут восемь я открыл дверь кабинета главного геолога. Он что-то считал на счетах. Подняв голову и разглядев мою чистую одежду, посмотрел на часы, хмыкнул и показал рукой на стул.

– Ну, молодой человек, что надумал за ночь? Возьмешься руководить работами?

Я помолчал и сказал, что надо познакомиться с материалами.

– Молодец! Не следует покупать ката в мешке, – довольно пророкотал главный. Он отомкнул сейф и достал геологическую карту участка с нанесенными на нее горными и буровыми выработками. Карта была та самая, которую я делал в прошлом году, а вот проектные выработки не полностью соответствовали моим соображениям. Познакомившись с фактическими данными и утвержденным проектом работ, я попробовал доказать Борису Александровичу необходимость переноски линии буровых скважин на более перспективный, на мой взгляд, участок. Если в прошлом году это были лишь предположения, то в результате зимних и весенних работ высказанные гипотезы стали обоснованными. Главный барабанил пальцами по столу и молчал, обдумывая мою аргументацию.

– Что же, давай попробуем. Только порядок бурения измени...

И он подробно растолковал мне мою же, несколько измененную идею. Перейдя к анализу горных работ и их соответствию проектным и практическим данным, я отметил, что здесь все в норме. Вызывала беспокойство лишь продолжающаяся с прошлого года проходка глубокого гезенка³ в дальнем конце законченной штольни. Волновала вентиляция. Простые расчеты, связанные с возможностью действия вытяжного насоса, показали, что для безопасной выемки породы нужен перерыв после взрыва в десять – двенадцать часов. Не прерывая разговора, я взял бланк для заявки: заменить огневое паление электрическим для глубоких выработок и доставить прибор для измерения загазованности. Заглянув в мою заявку, Борис Александрович произнес целую речь:

– На электропаление перейдем, когда бездельники из управления пришлют нам машинки и провода. Второй год тянут, а газомера нигде не достанешь, есть один на руднике, да и тот ненадежен. Придется работать собственным носом и нюхом старых проходчиков.

Не очень успокоила меня эта речь. В итоге мне удалось выпросить три страховочных пояса – и ничего больше. В дверь заглянул Искандер.

– Проходи, – сказал главный. – Благодарю судьбу. Если б такой сменщик остался насом, то не быть бы тебе начальником партии. За два года работы ты не задал мне и трети вопросов, заданных им сейчас, и не высказал ни одного дельного предложения.

И он еще долго отчитывал Искандера в моем присутствии. Я чувствовал себя крайне неловко. И уйти было нельзя: беседа-то еще не закончилась. Борис Александрович подписал Искандеру отпуск и уже миролюбивее напутствовал:

– Почитай на досуге последние геологические публикации, а то твои познания не тянут на уровень хорошего техника.

Бросив на меня косой взгляд, Искандер сухо простился и вышел.

– Кто прораб горных работ? – продолжил я разговор. – Кузьмич?

– Алкаш твой Кузьмич. Но заменить его некем, – буркнул главный.

– Это плохо, особенно учитывая этот злополучный глубокий гезенк. Там кто проходчик?

³ Гезенк – вертикальная выработка в штольне.

– Касымов и К°.

– Да, это бригада «Ух». И прежде всего сам бригадир, – огорчился я.

– Что ты ухаешь? Касымов дело знает, проходчик опытный, – парировал собеседник.

– Вот и вручу этому «опытному» первому страховочный пояс, – подумал я вслух и в ответ услышал:

– Вручи, только он все равно не станет его применять, я его знаю.

– Придется обязать приказом.

– Плевал он на твой приказ! На словах согласится, а на деле нет. Мешает ему, видите ли, пояс работать. Весной он соскользнул с бадьи и растянул ногу, но пока всю породу не выдал наверх, не вылез из гезенка. Ну дал я ему выговор в приказе. Приехал в партию, спрашиваю: приказ читал? А он и выдает: приказы не считаю, умею считать только деньги. Ладно, что не алкаш, – закончил главный геолог характеристику строптивного бригадира.

– Видно, и мне придется с ним повозиться. А прораб по бурению есть?

– Уже два месяца ищу, после того, как старик Иваныч ушел на пенсию. В Душанбе расклеил всюду объявления, за что получил замечание от генерального. Хрен с ним, замечанием, но прораба так и нет, – опять произнес длинную тираду Борис Александрович, который обычно был немногословным.

– А Стромин работает?

– Ну и что? Я предлагал ему прорабскую должность, но он предпочитает ни за что, кроме своей скважины, не отвечать.

– Я все-таки попробую его уговорить, заплатив к тарифу тридцать процентов оклада прораба.

– Попробуй, попробуй, – вяло промямлил главный и вдруг оживился. – Ты видел высокие матчи возле новой конторы?

– Видел, но контора-то только строится...

– В том-то и дело, что контора еще строится, а радиостанция уже работает, – усмехнулся довольный главный. – Теперь тебе не надо ждать почту или ехать самому в экспедицию, позвонил – и порядок.

Он дал мне код и предупредил, что связь каждый день в семь утра, есть и срочный вызов.

– Посмотри на эту красную кнопку, но постарайся ею не пользоваться... Проведу тебя приказом с первого июня. Ну, а теперь иди в конюшню и прикажи седлать уже знакомого тебе жеребца – он опять простаивает без дела, – добавил главный, явно вспомнив прошлогоднюю историю.

Я не на шутку испугался:

– Что я вам плохого сделал, Борис Александрович? За что вы моей смерти жаждете?

Он схватился руками за живот и залился хохотом. Отсмеявшись, сказал, чтобы я взял смиренного старого мерина, настолько спокойного, что повод можно вообще не держать в руках – он все равно не сойдет с привычной дороги. Поблагодарив за беседу и услышав на прощание пожелание всяческих успехов, я отправился на конюшню.

Снова вьется знакомая тропа, ее немного расширили и очистили от глыб, которые приходилось огибать, тесно прижимаясь то к обрыву, то к скале. В голове все прокручивался разговор с главным геологом. Дел предстояло много и ответственности тоже. Справлюсь ли? Вырисовывался план: начать с осмотра всех выработок, отметить упущения, затем поговорить с людьми и решить вопросы с гезенком в штольне и прорабом на буровых вышках. Одному все эти дела не поднять, нужны дельные помощники. Во многом рассчитываю на бригаду грузчиков – «хачиров»: от ее оперативной работы зависит своевременный перевод буровых на новую линию. А с этим связана такая прорва, казалось бы, мелких дел, которые потребуют массу времени и усилий.

А вот и чинара с родником. Покормил и напоил мерина. Посмотрел на место прошлогодней трагедии и не узнал его. По бровке обрыва появился бордюр из бетонных плит, сама дорога стала шире, и вдоль нее поставлены столбы. Неужели на рудник провели настоящий телефон? Похоже, очень похоже. Значит, рудник прогрессирует, а разведка отстает, слабо готовит новые участки под разворот добычных работ. Вот почему, наверное, прошел мой проект разбурки новых рудных горизонтов. Осталось «совсем чуть-чуть» – выполнить все намеченное и поскорее...

За поворотом показались белые, блестящие на солнце острые зубцы известняковой горы Хазрет Султана. Это результат гигантской вертикальной подвижки по разлому, поднявшему на восемьсот метров северную его часть относительно южной. Так и образовалась почти отвесная стена. Еще в прошлом году один старый таджик рассказал мне целую легенду об этой горе и ее неприступности. Это предание дополнили рассказы старожилов-техников, которые сами видели гибель двух ленинградских альпинистов, попытавшихся подняться на вершину. Крючья, забитые в известняк, не выдержали. Люди, добравшиеся до половины горы, рухнули на камни у ее подножия. Страшная история! А легенда об этой скале относится ко времени нашествия Александра Македонского, а может, кого-то другого из завоевателей. Это я никак не мог выяснить у седобородого старика, который неплохо говорил по-русски. Он только сказал, что даже его дед не знал, какие народы нападали на таджиков. Но суть не в этом. Перед вражеским нападением таджики, собрав сводный отряд и отправив женщин и детей в горы, храбро дрались под водительством султана. Но они были слишком малочисленны, и большинство из них пало смертью храбрых, защищая свои жилища. Остались израненные и еще живые четыре нукера и султан. И тут аллах, наблюдавший сверху битву, пожалел храбрецов и вознес их на неприступную гору, а султана приравнял к лику святых. Отсюда и название горы – Хазрет Султан (святой султан).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.